зрителя главной идеи трагедии, к чему пришел Сумароков в «Вышеславе», в полной мере относится и к «Димитрию Самозванцу». Характер развития драматического действия в них одинаков. Но если в первой из этих трагедий автор утверждает свой идеал посредством выведения образов положительных героев, то в «Димитрии Самозванце» он утверждает тот же идеал через *логически неизбежную и неотвратимую гибель отрицательного героя — Димитрия.*

С самого начала Димитрий предстает перед зрителями тираном. Его первые в трагедии слова:

Зла фурия во мне смятенно сердце гложет,
Злодейская душа спокойна быть не может.[36]

О жестокостях Димитрия говорит ему и Пармен:

Ты много варварства и зверства сотворил:
Ты мучишь подданных, Россию разорил,
Тирански плаваешь во действиях бесчинных,
Ссылаешь и казнишь людей ни в чем невинных.[37]

Сам Димитрий не только не скрывает своих действий, но подчеркивает свое тиранство:

Российский я народ с престола презираю,
И власть тиранскую неволей простираю...[38]

и еще:

Не истинна царь, я, закон, монарша власть:
А предписание закона царска страсть
Невольник тот монарх, кто презрит те забавы,
В которых вольности препятствуют уставы.[39]

Подобные речи произносятся Димитрием неоднократно в течение всей трагедии.

Конфликт в этой трагедии, как и в ряде предшествующих, заключается в противоречии между абстрактным идеалом государя и конкретным монархом, охваченным пагубными страстями и являющимся тираном. Но конфликт как основа драматического действия и, следовательно, как источник его развития отсутствует. Его нет потому, что он фактически уже сформулирован и разрешен в начале трагедии. Это то же самое, что мы видели в «Вышеславе», только как бы в прямо противоположном аспекте: Димитрий-тиран неисправим.

---

[36] А. Сумароков. Димитрий Самозванец. СПб., 1771, стр. 4.
[37] Там же.
[38] Там же, стр. 8.
[39] Там же, стр. 9.